

Часть 1. Федор Смирной попадает в историю

Иван Васильевич сидел в Грановитой палате. Две думы насмерть бились в его голове. Одна бесплотно страдала в ужасе от непонятого воскресного происшествия, вопила дурным голосом. Другая молча стояла в уголке и принимала различные телесные формы: представала то клыкастым монахом, то голой девкой, то обезглавленным стрельцом. В любом облике этой думы присутствовала кровь. Кровь на клыках, на голом теле, на стрелецком кафтане. Хотя на кафтане кровь вроде бы не нужна? Он же и так красный? Для чего мы в красное стрельцов одеваем? Чтоб крови не боялись!

Иван задумался о значении цвета, прищурил правый глаз и обнаружил, что все вокруг стало желтым.

«А! — мелькнуло в голове. — Это свет в басурманском стекле золотится!»

Тайный советник Ивана Грозного

Но солнце уже ушло за Воробьевы горы, сирийские стекла были тусклыми, как всегда в это время и в этой части дворца. Иван открыл правый глаз и прикрыл левый. Вокруг кроваво покраснело. Резкий голос завопил: «Измена! Вору дерзают младенца извести!»

— Какого младенца? — ошарашенно спросил Иван.

— Федора Безгласного! — ответил голос.

— Стража! Стража! — закричал Иван, в ужасе тараща оба глаза.

На крик ввалился начальник Стременного полка стрелецкий голова Сидор Истомин, еще двое в красном и один в черном. Иван прищурил правый глаз, красные кафтаны утратили кровавый оттенок.

— Вору, — в изнеможении выдавил Иван.

— Вот, государь, поймали, — отрапортовал Истомин, вытаскивая из-за стрелецких спин мальчишку в черном подряснике.

Пойманный склонился до пола, потом сел на колени, но смотрел на царя спокойно, открыто. Клыков у него не было.

— Ты кто?

— Сретенского монастыря послушник Федор Смирной.

— Зачем здесь? — Иван не мог вспомнить, где видел этого белобрысого.

— Вели всем выйти, государь.

Иван оторопел, хотел кричать, но глянул на малого, как-то сразу затих и кивнул Истомину:

— Ступай, Сидор, да скажи там, что я жалую твой полк двумя бочками вина.

4

Начальник полка хотел предложить Ивану связать преступника, но осекся, подумал, что ничего страшного, парень хлипкий, и вышел без каблучного стука. Пара стрельцов протопала за ним...

Тут следует вернуться на три дня назад.

С утра 9 июня 1560 года царь Московский и вся Русь Иоанн Васильевич пребывал в переменчивом настроении. Странные,

неуловимые сны его после пробуждения продолжились столь же неуловимыми, бессвязными рассуждениями. Но общая мысль их была одна: «Господи, за что?!»

Выходило так, что видения сна теперь повторялись навязчивыми словами, обрывками фраз.

При одевании в глазах царя стояли страшные картины несчастного паломничества 1553 года, в котором скончался маленький сын Дмитрий. Он четко и жутко видел тело ребенка на отмели проклятого Белого озера, кровавая пелена застила глаза, потом она рассеивалась и проступало безразличное отражение в черной воде крестов Кириллова монастыря.

— За что?! Я же Тебе Казань взял! — крикнул Иван Богу и рорвал ворот рубашки. Спальник в ужасе отскочил в угол. Царь осел на кровать и закрыл глаза. И сразу полезли картины другого, прошлогоднего, паломничества, когда ни с того ни с сего прямо в монастырской церквушке подкосило царицу Настю. Она просто не смогла встать с колен.

— Вот и молись Тебе! — снова закричал Иван в пустоту, и вошедший для благословения духовник царя протопоп Сильвестр слился со стеной и заскользил к двери.

Завтрак, понятное дело, зарядили малым обычаем, но тут вдруг как-то бесчинно подскочил ключник царицы Анисим Петров и осмелился шептать царю на ухо. От этого сразу отпустило, Иван Васильевич посветлел и пробормотал в потолок:

— Вот за это спасибо!

А ключнику бросил: «Зови всех!»

Под «всеми» понимались отец Сильвестр и несколько ближних людей, завсегдатаев Большого дворца.

За столом государь объявил благоую весть: Божьей милостью младший сын царя князь Федор Иоаннович обрел дар речи и вымолвил некое «слово». Это было чудесно, потому что малютка Федор выглядел нездоровым и за три года жизни не произнес даже «мама». Теперь появилась надежда на исправление малыша.

Тайный советник Ивана Грозного

— Слышь, Анисим, так как он сказал? — лицо Ивана просто сияло.

Анисим, допущенный постоять при царском завтраке, снова склонился к высочайшему уху и выдохнул что-то короткое. Иван засмеялся.

Стали выпивать, закусывать, веселиться. Царь рассуждал вслух, что неплохо бы посетить какой-нибудь ближний монастырь. Потом предложил застольным боярам устроить смотр войск, отправляемых на Ливонскую границу. Бояре были не против. Один только Сильвестр начал ерзать, не донес кусок белуги куда следует.

Сильвестру остро не нравилась Ливонская война. Он полагал, что истребление христиан, хоть и католиков, менее угодно Богу, чем, например, освобождение Крыма от разбойничьих татарских поселений. Тем более не следовало напоминать Господу о кровавой войне среди молитв о благополучии маленького князя.

Но Ивана уже нельзя было отвратить от парада. В глазах его сверкали алебарды, в ушах визжали рожки и били бубны.

Сильвестр по обыкновению надулся. Раньше это мистически действовало на царя. Он очень ревниво относился к благословенности своих дел, зная неблагословенность плотских помыслов. Но сегодня был особенный день. Хотелось всеобщего удовольствия, единомыслия, ликования и умиротворения.

Власть Сильвестра больше не казалась безвыходной. Иван помнил, как после взятия Казани в 1553 году Господь ниспослал ему прозрение. Тогда Иван слег от нервного перенапряжения, и все подумали, что умрет. И сразу вскрылась измена. Двоюродный брат князь Владимир Андреевич Старицкий заявил претензию на трон. Он отказался присягать наследнику младенцу Дмитрию, а присяги родному брату царя — безумному Юрию — с него и не требовали. Боярство расколосось на две партии, пошли совещания, начались прямые стычки у ложа умирающего.

Дело доходило до плевков и толкотни. Одни не хотели присягать младенцу Анастасии — их воротило от мысли оказаться под регентством ее братьев — бояр Захарьиных-Кошкиных. Другие, наоборот, опасались растерять привилегии, нажитые при дворе и связанные с партией царицы. Иван с досадой поглядывал на ссору придворных. Особенно больно било каменное молчание Сильвестра. Духовный отец, так долго наставлявший, учивший различать добро и зло, теперь затаился, ждал, чья возьмет. Выходило, его не беспокоит судьба наследников и царицы, не тревожит предсмертный зуд Ивановой души...

Потом донесли, что больше всех мутили воду в пользу Старицкого как раз люди Сильвестра, призванные ко двору, поднятые по службе. Прямых доказательств измены не нашлось, но подозрение Иван затаил. Вернее, не он его затаил — оно само затаилось. Не все настроения властелина поддавались самодержавному управлению.

И вот теперь Сильвестр хмурился, был готов противоречить даже в такой день. Он должен бы первый радоваться доброй вести! Нет, скорбит о ливонских католиках!

Иван начал гневаться. Горячая волна поднялась у него откуда-то снизу, от желудка, огнем прошла под ребрами, бешеной жилкой запульсировала в горле, застучала в виски.

Но тут солнечный луч отразился от золотого купола колокольни, прострелил желтое сирийское стекло в свинцовом переплете и упал на грудь сварливого протопопа. Там солнечный зайчик замер на пангии — эмалевой подвеске с иконкой, высветил лик Христа.

Иван засмеялся, от сердца отлегло. Остальные участники завтрака тоже увидели освещенного Спаса и хоть не поняли, что тут смешного, но захихикали дробным льстивым хором.

— Ты бы, святой отец, лучше небесным откровением занялся, чем нас на Крым поворачивать. Нам сейчас из Москвы нельзя отлучаться.

Тайный советник Ивана Грозного

— Каким откровением? — опешил Сильвестр. Он один не видел солнечного блика, но думал как раз о крымских и ливонских делах.

— А вот, гляди-ка, свет Божий, пройдя сквозь басурманское стекло, не испортился, не опоганился, а Спаса осветил! А ты не хотел стекла менять! Не скажешь, отчего такое чудо?

Тут застольные перестали улыбаться: чудо — дело серьезное!

Сильвестр увидел свет на панагии, замер, чтоб не спугнуть зайчика, но молчал.

— А оттого нам это видение, — довольно рассуждал Иван, — что сарацины — твари смертные, а песок Палестины, из которого они стекла льют, — вечен! Видать, в стекло попала песчинка, на которую сам Христос наступал!

Компания перестала жевать и забыла дышать.

— На все воля Божья, — выдавил Сильвестр сквозь непрожеванную белугу.

Решили угодить всем — ради Христа, заговенья Петрова, воскресного дня и царской радости. Было объявлено посещение ближнего монастыря, какой укажет Сильвестр, потом смотр войскам, потом большое застолье в честь Федора Иоанновича. Порядок мероприятий определялся не прихотью царя, а реальным положением дел:

- в монастырь можно нагряться без подготовки,
- войска к походу готовы, но к смотру — не совсем,
- обед по большому обычаю и вовсе требует серьезной проработки; каждое блюдо из сорока перемен следует сварить, изжарить, сервировать, испробовать на вкус и яд, подать точно в срок.

Стали собираться в Сретенский монастырь.

Посыльный от Сильвестра опередил царский выезд на час, известил игумена Сретенки о нечаянной радости, монахи забежали, засутились, стали наводить показной порядок. Послушни-

ков выгнали вместе с чернецами подметать и украшать, потом велели переодеться и строиться к встрече.

Федя Смирной, сирота 18 лет, из московских жильцов, стоял в первом ряду с блюдом для даров. Федю часто назначали к дарам: очень красиво смотрелись его светлые волосы на черном подряснике и при серебряном блюде. Друзья Архип и Данила беззлобно называли его «ублюдком», но Федя не обижался. Если рассуждать здраво, ублюдок — лучше, чем сирота.

Погода стояла прекрасная. Лето началось без жары — буйной зеленью и мягким теплом. Солнце освещало новые тесовые крыши монастырских построек, они казались золотыми, сливались с церковными куполами. Все было готово, но царь не ехал. Федя стал разглядывать окружающих.

Вот игумен отец Савва. Телом толстый, лицом худой, добрый, но нервный. Добывает Савву московская жизнь. Тяжко ему после Волоколамского монастыря.

Вот кот Илларион — важно шествует по свободному пространству, очищенному для царской кареты. Он тоже толстый, но спокойный — с умиротворенным лицом, то есть мордой. Вот таким надлежит быть игумену — величавым, размеренным в движениях и мыслях.

На самом деле кота звать Истома, но отец Савва запретил языческое имя в святых стенах, и пришлось кота крестить. Три дня назад, 6 июня, был день Иллариона. Федя, Архип и Данила подманили Истому на рыбью головку и совершили тайный обряд крещения Божьей твари, окунали кота в купель, заносили в алтарь под «епитрахилью» — старым полотенцем. Правда, кот купели не принял, орал и царапался, деревянный крестик с шеи сорвал лапой, крестным знаменем пренебрегал, отговариваясь неловкостью двуперстного сложения. И на имя Илларион демонстративно не отзывался...

А вон передовой отряд стрельцов. Полдюжины крепышей в ярких, только что пошитых кафтанах. Все на них новое, сапоги

Тайный советник Ивана Грозного

блестят, держак бердышей начищены, будто с утра выструганы. Эти в Ливонию не пойдут, в Москве пригрелись, как Истома. Выстроились вдоль стены справа и слева от ворот. Почему-то нервничают.

А вот и движение началось. Ворота открылись как бы сами собой, худые тени монахов метнулись в разные стороны, неуверенно ударил большой колокол, грянули хором все прочие. Отец Савва поморщился: никак не удавалось добиться от звонаря правильного колокольного строя.

Первым влетел на монастырскую площадь конный отрок из дворцовой охраны. Вздрыбил коня, напылил, зыркнул по сторонам, выскочил наружу. И сразу затоптали десятки тяжелых сапог — слышно было даже сквозь колокольную неразбериху. Пешие стрельцы Стременного полка — числом до полусотни — вбежали во двор, окольцевали пустую середину, потеснили монахов, воскресных прихожан, прочих монастырских обитателей. Стрелецкий голова подскочил к Савве, что-то спросил, выслушал ответ, кивнул, что-то сказал, еще раз кивнул, отдал команду ближним бойцам. Красное кольцо разомкнулось, сомкнулось вновь, и Савва, старцы, Федя с блюдом оказались внутри оцепления.

Застучали копыта, несколько всадников влетели в проем ворот, следом по доскам прогрохотали кареты.

«Спешит государь, — подумал Федя, — если б не спешил, пришел бы пешком. По такой погоде мог и босиком в рясе пожаловать. Набожен отец, богобоязнен».

Иван Васильевич бодро выпрыгнул из крытого возка, обитого кожей, приосанился, привел думы в надлежащее состояние. В дороге — а тут и версты нет — думал о жизни грешной.

Царь был крепкий, высокий, склонный к полноте мужчина с редковатыми, но великолепными черными кудрями, ухоженной бородой с рыжеватыми прядями, с пронизательными голубыми глазами. Иван Васильевич вызывал ощущение силы, уве-

ренности в завтрашнем дне, надежности бытия. Поговаривали, правда, о его крутом нраве, грубых выходках, плотских грехах. Но кто безгрешен в 30 лет? Посреди мира? На вершине власти и славы?

Вслед за Иваном из кареты кряхтя вылез протопоп Сильвестр, оглядел собравшихся, довольно кивнул. Сильвестр был знатоком монастырского распорядка, наизусть знал Номоканон — сборник духовных и мирских правил, сам писал наставления.

Благословясь у игумена, царь громко сказал ласковое слово, начал широко креститься на четыре стороны, поворачиваясь всем телом, кланяясь в пояс. Совершив полный оборот, еще раз поклонился Сретенской церкви, на мгновение замер в поклоне...

Дальше ему полагалось распрямиться, принять царственную осанку, подойти к дарам и во главе процессии следовать в церковь на службу. После службы должна была состояться легкая трапеза — именно на ее запах проследовал кот Истома. Но ничего этого не случилось.

То, что произошло за малое время выхода из поклона, стало страшной неприятностью для монастыря, стрелецкой охраны, лично начальника полка. И большой досадой для отца Сильвестра.

Воспитанник Сретенки сирота Федор Смирной уронил на землю блюдо с дарами, толкнул локтем отца Савву и бросился к царю, раскинув руки. Так кот Истома бросался на хвост селедки, подвешенный в трапезной.

Колокола смолкли при выходе царя из кареты, поэтому собравшиеся услышали писк Феде, ухваченного за шиворот боевой рукавицей. Федя рванулся, ряса лопнула, путь был свободен, но тут мелькнула сталь бердыша и пригвоздила подол рясы к земле. Федя рухнул к ногам Ивана, протянул вперед руки, поднял глаза и увидел побледневшее лицо, трясущуюся бороду, казавшуюся совсем черной.

«Слово и дело...» — успел прохрипеть Федя под телами двух стрельцов. Его подняли и отволокли в сторонку.

Иван продолжал стоять в оцепенении, его лицо сменило цвет со смертельно-белого на красный. Потом снова стало нормальным.

Царь отмахнулся от Саввы и Сильвестра, прыгнул в карету и умчался восвояси. А Федю без расспросов завалили в телегу и доставили в Кремль. Там его затолкали в грязную яму на вытопанной сторожевой площадке и прикрыли дощатым щитом.

«Почему сразу не убили? — думал Федя. — А! Понятно. Будут пытаться, спрашивать, кто подучил».

* * *

Три дня прошли в духоте, жажде, полуголодном сне. Кормили дрянью.

Но сегодня вокруг ямы возникло оживление. В течение дня сторожевые несколько раз вступали с кем-то в разговоры — Федору показалось, с начальством. Дело идет к развязке, решил Смирной.

И правда, не успело солнце уйти из щели, как крышка отвалилась и волосатая лапа вытащила Федора на свет Божий. Два стрельца в вонючих сапогах проводили пленника в темноватое помещение под дворцом.

И вот теперь Федя сидел и ждал приема у государя Иоанна Васильевича. Что это именно царь лично пожелал видеть вора, громко перешептывались стрельцы. В другой раз московские обыватели позавидовали бы Федору — мало кто мог похвастать беседой с великим самодержцем. Но сегодня у Феде не было завистников. Приглашали его не пиво пить...

Надо сказать, вид у Феде был не очень подходящий для царской аудиенции — лицо разбито в кровь. Пятна на подряснике уже запеклись и не слишком бросались в глаза, но все равно портили общий вид. Особенно некрасиво выходило сзади:

подрясник, разорванный от ворота до пояса, обнажал полотняную рубаху, вывалянную в грязи и дворовой дряни.

Глаза постепенно привыкали к полумраку, а нос уже подсказывал: «Не пыточная!» Пытка должна была пропитать стены паленой щетиной.

Ухо тоже хотело сообщить что-нибудь обнадеживающее — вот хотя бы звон шпор — палачи в шпорах не ходят! — но тут в ухе что-то взорвалось, ударил большой Сретенский колокол, взвыл кот Истома. В глазах сверкнули звездочки, и стало светлее.

Перед Федором стоял давешний стремениной голова, но с кошачьей головой. Он гневно разевал усатый рот.

«За что Истома здесь?» — подумал Федя.

Кот пару раз мяукнул и спросил человеческим голосом: «Ты на кого, сученыш, посягал?!»

Далее выяснилось, что в прошлое воскресенье в Сретенском монастыре, среди Божьей благодати и при ясном солнце, было совершено дерзкое покушение на жизнь грозного и милостивого царя нашего Иоанна Васильевича. Вор-одиночка Федька Смирной намеревался задушить великого монарха голыми руками, изрыгал проклятья, осквернил церковные святыни, смешал с прахом Тело Христово и Кровь Его.

За все это надо было Федьку на месте растерзать, но государь в безмерном человеколюбии велел вора допросить. Так давай, вор, кайся!

Федор осмотрелся привыкшими к темноте глазами. В очаге не было раскаленных инструментов. Огонь тоже не горел. На перетлевших углях стояли ношенные сапоги. Стрелецкий голова больше в ухо не бил.

«Значит, велено спрашивать осторожно. Значит, царь услышал „слово и дело“». Федя сделал добродушное лицо и униженно попросил господина начальника развязать руки для крестного знамения.

Содержание

Часть 1. Федор Смирной попадает в историю	3
Часть 2. Две памяти	42
Часть 3. Восход Великого Солнца	96
Часть 4. Умывание рук	135
Часть 5. Жертвоприношение	195
Часть 6. Конь Бледный, конь Вороной	233
Заключение. У Края Небес	252
Главные действующие лица	254